

Joachim Ringelnatz
Diplingens Abwesenheit

Йоахим Рингельнатц
ОТЪЕЗД ДИПЛИНЖЕЙ

После изобретения шестидесятого по счёту роторного двигателя с тактовым поршнем господин Зильбиг стал дипломированным инженером, получил приставку к имени Дипл.Инж., и настолько разбогател, что купил небольшой дом в Куфштайне, рядом с отелем «Аурахер», где он и поселился на пенсии с женой. Оба супруга намеревались, как и раньше в Париже, жить без домашней прислуги. Следуя этому решению, они, по возможности без посторонней помощи, обустроили свой домик, и обустройство это можно было назвать не только удобным. Одна из комнат нижнего этажа была превращена в экзотический зимний сад. Роскошные пальмы, редкие орхидеи и необычные кактусы прорастали из слоя земля, насыпанного прямо на цементный пол, а игривые купидоны и приветливые кушетки манили отдохнуть среди разросшихся лиан. Над этой комнатой, этажом выше, был установлен, тоже на цемент, бассейн на двоих. И всё остальное было так идеально продумано для красоты и комфорта, что уже через месяц пребывания Зильбиги или Диплинжи, как их называли в Куфштайне, затосковали по Парижу. Они даже обрадовались, когда их племянник Ганс Оберрайх из Копенгагена сообщил о своём приезде.

В их парижские времена Ганс был не совсем приятным гостем: во-первых, он привносил много беспокойства, и, во-вторых, выбрал себе профессию, которая могла существовать только в анекдотах, – Ганс называл себя «импресарио», – но работой не утруждался. Правда, теперь это

беспокойство казалось им почти желанным; возможно, оба втайне хотели произвести впечатление на племянника своей виллой.

Впрочем, по приезду Оберрайх показался им не таким уж противным, как помнилось. Напротив – вёл себя исключительно хорошо, ненавязчиво и умело им угождая. Он даже приподнёс забавный подарок – крошечную, совсем юную золотую рыбку, которую, не без труда, перевёз из Дании в Тироль в стеклянной банке из-под варенья. Да и вообще племянник остался в восхищении от прелестного домика, преувеличенно-восторженно охая и ахая на каждом углу.

Только после отъезда Оберрайха Диплинжи обнаружили, что он насыпал в бассейн что-то вроде приправы для супов. Они постарались забыть этого неприятного человека, что оказалось нелегко – они сильно привязались к маленькой золотой рыбке, подкупившей их трогательной неуклюжестью в её юношеской неопытности. У рыбки ещё не проявилось не то чтобы красноватого – вообще никакого цвета, была она довольно невзрачной, а сказать по правде, выглядела всего лишь маленьким, несколько удлинённым пузырьком. Супруги так и называли её – Пузырик. Для Пузырика был куплен аквариум, который установили на гипсовом постаменте в зимнем саду, и в качестве корма рыбка получала ровно сорок восемь муравьиных яиц в день.

Целыми днями – Пузырик то, Пузырик сё. Но на восьмой день надоест любая рыбка. Семейка инженеров, каждый по отдельности, начали подумывать о том, как бы подступиться к обсуждению вопроса о включении в планы длительный отъезд в Париж.

Оба супруга пришли к единому мнению, но оставалось одно препятствие. Кто будет кормить Пузырика и поливать растения в их отсутствие? Идея нанять кого-либо со стороны даже не обсуждалась. От поездки отказались. Следующие три дня Зильбиги находились в состоянии молчаливой апатии. Казалось, они обижены друг на друга. Лишь урчание в

животе да стук собственного сердца нарушали тишину. Или плеск Пузырика, но в остальном...

Надо признать, господин Зильбиг никогда не работал так усердно, как в эти три дня. На четвёртый день чудо-устройство, сделавшее возможным поездку в Париж, было завершено и установлено.

С тех пор, как Диплинжи уехали, на потолке зимнего сада медленно, не прерываясь ни на миг, вращались два колеса, одно из которых время от времени распыляло мелкую водяную пыль по всей комнате, другое каждые полчаса сбрасывало яйцо муравья в аквариум. Вода для распылительной машины забиралась из бассейна, вместительным контейнером для муравьиных яиц служил подвешенный деревянный ящик.

Ганс Оберрайх в этот раз и не думал шутить. Сам того не зная, он попался на удочку копенгагского дельца, который вместо золотой рыбки продал ему малютку кита.

Увы, но Диплинжи не предусмотрели установку третьей машины – для регулярной подачи масла в зубчатые механизмы. Без систематического смазывания возникли неполадки, количество которых увеличивалось с каждым днём. На водяном колесе оторвался распылитель. Другое колесо бросало каждую минуту по двадцать яиц, большинство из которых так и лежали нетронутыми на дне аквариума.

Диплинжей всё не было. Вода лилась с растений ручьём, и звонкое журчание заглушало приятный плеск золотой рыбки, которая только и делала, что ела и росла.

Земляной слой скрылся под водой. Кушетки раскачивались на волнах, купидоны дрейфовали. Однажды утром аквариум стал слишком тесен для молодой рыбки, она не могла двинуться ни вперед, ни назад, что привело её в ужас!

Вдруг её осенило – она кит! – и рыбка гордо надулась. Стекло лопнуло и рассыпалось, кит поплыл между покачивающихся кушеток и вырванных с корнем пальм. Гипсовых купидонов он разгрызал как печенье.

Нечто подобное не может долго оставаться незамеченным. Постояльцы «Аурахера» ночами слышали пугающее фыркание какого-то исполина. Когда почтальона облило водой из почтовой щели на входной двери, на отсутствующих Зильбигов подали в суд.

Даже хладнокровный полицейский, вскрывший замок, на долю секунды был несколько ошарашен, когда его снёс по ступеням гидравлический кит, гигантским поршнем вылетевший из двери.

Пока полицейский и некоторые любопытствующие у крыльца захлёбывались в бурном потоке обрушившейся воды, а кит яростно бил лапами по брусчатке на рыночной площади, магистрат разослал телеграммой объявление во все иностранные газеты «Срочно продается кит!»

Компания «Герман Титц» из Берлина откликнулась немедленно.

Поскольку в Куфштайне не нашлось достаточно вместительного переносного бассейна, кита на время перевозки в Берлин обернули влажной тканью и кормили искусственным путём, через клизму.

На вокзале Ангальта команда сопровождения переругалась с работниками «Титца», так как последние требовали отдать, помимо кита, и его пелёнки, которые, в конце концов, остались в руках победивших куфштайнцев.

Разумеется, восьмерым берлинцам было весьма нелегко тащить по улицам скользкую извивающуюся рыбу-гиганта.

И неудивительно, что на набережной эта ужасная негодница выскользнула и упала в канал.

Давайте-ка немного сократим водный путь Шпрее-Ландверканал-Гавель-Эльба. И не будем вспоминать перепуганных купальщиков и опрокинутые баржи с яблоками. Лучше оставим без внимания проглоченный

труп в канале Ландвер и вообще обойдёмся без подробностей о том, как кит обошёл шлюзы, закинутые рыболовные сети и Закон о внутреннем судоходстве от 15 июня 1895 года. Долго ли коротко ли, он достиг северных морей, стал родителем немалому количеству отпрысков, которым и рассказывал впоследствии о чудесной жизни в отсутствие Диплинжей. Удивительные истории походили больше на хвастовство, поэтому никто ему не верил, и постепенно он отделился от других китов.

И если он ещё не умер, то наверняка обитает до сих пор в водных просторах ледяной Гренландии, одиноко бороздит морскую гладь, иногда грустно покачивается на волнах и задумчиво щурится в тщетных поисках дрейфующих кушеток и гипсового печенья.